

* Амедео Модильяни:

«непризнанный гений, создавший свой собственный художественный стиль»

...Сегодня

портреты и скульптуры гениального портретиста А. Модильяни украшают коллекции главных музеев мира.

...Сегодня

он один из самых известных художников XX века.

Работавший для вечности художник не забыт.

Но история его жизни — это история о непризнанном гении с противоречивой натурой, чей путь закончился трагически, но оставил след в вечности...

Рождение будущего гения

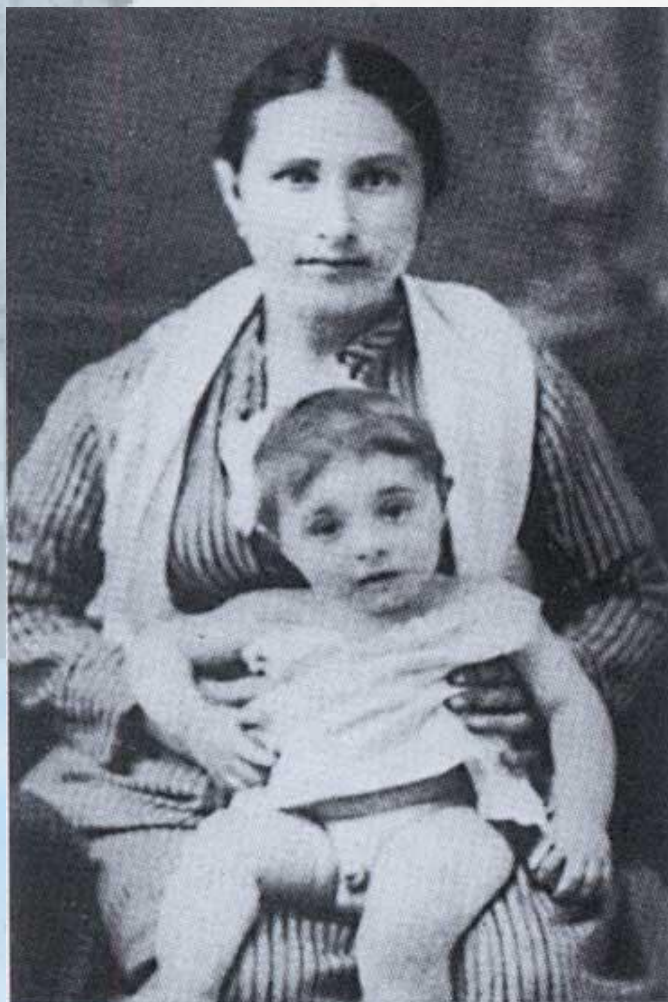
Амедео Модильяни родился в 1884 году в итальянском городке Ливорно. Он был четвертым и самым младшим ребенком в семье.

Когда будущий великий художник рождался, на постели его мамы лежали деньги, ювелирные украшения и... картины. Вот почему. В дом его отца-коммерсанта нагрянули судебные исполнители, чтобы описать имущество за долги, а ни один итальянец не возьмёт ничего с кровати роженицы. Это дурная примета, к смерти. Так семья спасла остатки имущества.

*du Philosophe,
Bray et le Moulin de la Galette — L.L.*

* Детство

- * Евгения Гарсен , мать Амедео, была из старинного испано-еврейского рода, где из поколения в поколение переходил культ гуманитарного самообразования, тяга к литературе и искусству, дух религиозного свободомыслия. Прадед Евгении был толкователь священных книг.
- * Также Гарсены отличались, несомненной интеллигентности, романтической мечтательности, склонности к философскому размышлению. По материнской линии Амедео был потомком самого философа Спинозы. Евгения Гарсен - Модильяни была действительно замечательной женщиной
- * Амедео был болезненным, но очень красивым и избалованным мальчиком; мама и сестра переживали за него и очень баловали и называли его ласково Дэдо.

Влияние родственников на развитие ребенка

- Дед с материнской стороны, обожавший книги по истории и философии, искусный шахматист, спорщик и оратор, отлично знавший итальянский, французский, испанский, греческий языки, говоривший немного и по-арабски и по-английски, душа общества, завсегда клубов, - теперь, давно и окончательно разорившись, доживал свою жизнь у дочери дряхлым, неуживчивым, полубезумным стариком. Дружил он только с маленьким Дэдо. С тех пор как тот научился ходить, начались их ежедневные прогулки по набережным Ливорно, их бесконечные беседы. В результате домашние и друзья вскоре стали звать Амедео "философом".
- Возможно, отсюда шли отроческие увлечения его Спинозой и не столько даже их философскими идеями, сколько их волей, бесстрашием, фанатической верностью своим убеждениям, романтикой облика отверженного и проклятого, но до конца не сдавшегося мыслителя.
- Также тетка Амедео самая его любимая - Лора, волевая и страстная натура, путем упорного самообразования развитая в области философии, литературы, Лора впоследствии тоже оказывала большое влияние на своего племянника. Возможно, что это она впервые познакомила его с книгами Ницше, Бергсона и Д'Аннуцио, с Достоевским.

Знаменательная фраза

В 11 лет он перенес серьезную болезнь. Рисование было его утешением. Мать в связи с этим записала в своем дневнике:

"У Дэдо был очень сильный плеврит, и я еще не оправилась от ужасного страха за него. Характер этого ребенка еще недостаточно сформировался, чтобы я могла высказать о нем определенное мнение:

- Посмотрим еще, что разовьется из этого кокона. Может быть, художник?"

Последняя фраза знаменательна. Она не могла быть случайной в дневнике матери, особенно такой матери, какой была Евгения Гарсен, незаметно, но неотрывно следившая за развитием сына. Очевидно, она заметила у него способности или хотя бы определенную склонность к изобразительному искусству.

Тяжелая болезнь определила предназначение

- Она вспоминает, что сын впервые озвучил свое четкое и определяющее желание стать художником в возрасте 14 лет, находясь на грани жизни и смерти, в опасном приступе тифозной лихорадки: «И вдруг — подсознательное желание, выраженное в бреде. Никогда до этого момента он так не говорил о том, что, возможно, представлялось ему несбыточной мечтой».
- Тяжелая болезнь явилась толчком к пробуждению замечательного художественного дара. Евгения обещала сыну пригласить учителя рисования, как только он поправится. И странное дело, больной очень быстро начал выздоравливать.
- «Он не занимается ничем, кроме живописи, с необыкновенным пылом, который меня удивляет и восхищает... Его учитель очень им доволен», — пишет Евгения через несколько месяцев после того, как Амадео начал брать уроки живописи.

Знакомство с шедеврами мирового искусства

- Однако здоровье юного Модильяни все еще слабое, и чтобы подлечить его, в 1900 году Евгения увозит сына на Капри, по дороге посетив Рим, Венецию, Флоренцию.
- Амедео Модильяни, побывавший в Риме, Венеции, Флоренции, знакомится с величайшими шедеврами мирового искусства и в своих письмах упоминает о том, что *"прекрасные образы с тех пор тревожат его воображение"*.
- Через два года юноша переезжает во Флоренцию и поступает в школу живописи, а позже продолжает учебу в Венеции, где, как полагают исследователи творчества гения, пристрастился к гашишу.

Там молодой человек вырабатывает индивидуальную манеру письма, которая кардинально отличается от существующих художественных направлений.

Париж

Два холма, один на севере, другой на юге — Монмартр и Монпарнас, —

одинаково овеяны вихрем фантазии и освободительной энергии.

в Италии, в какой-то момент Амедео понимает, что ему не хватает воздуха. Нужна новая почва, новое пространство, для того чтобы расти и двигаться вперед. Модильяни прибывает в Париж в 1906 году

В течение первых двух недель пребывания в Париже Модильяни постоянно менял гостиницы, переезжая с места на место (что, похоже, было знаком глубокого беспокойства), пока окончательно не осел на холме Монмартр, известном месте обитания художников. Скитается по дешевым меблированным квартирам, много пьет, кутит и, как говорят, даже пробует наркотики

369 PARIS. — Vieux Montmartre. — La Tour du Philosophe. — de la Galette — LL.

Король Монмартра

Модильяни всегда одет безукоризненно, даже если для этого ему приходилось стирать свою рубашку каждую ночь. Никто не мог соперничать по части элегантности с неотразимым Амедео Модильяни. Все дамы сходят с ума при виде шагающего по улице одетого в велюровый костюм высокого живописца с этюдником наперевес. Не мудрено, что они без ума от богемного, но нищего художника.

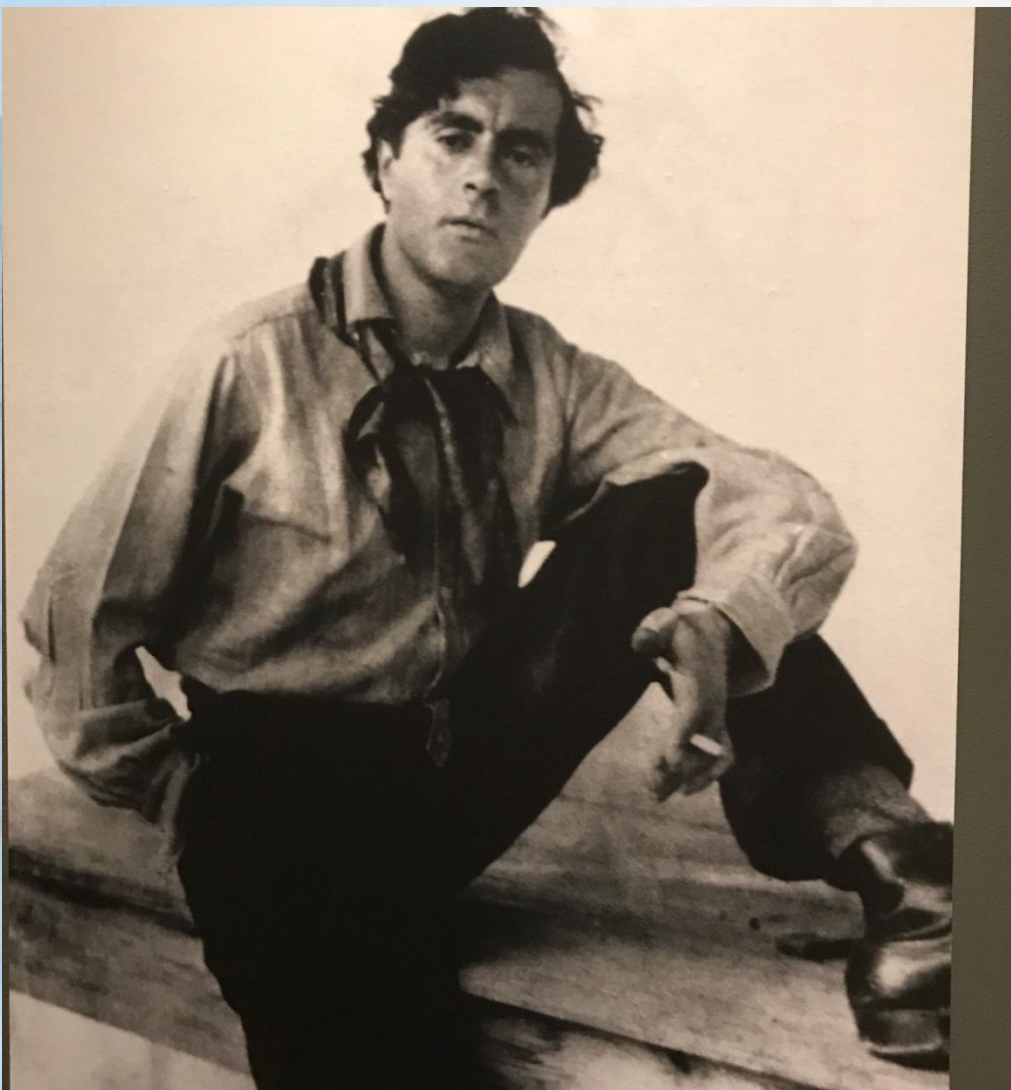
Богемная жизнь в Париже

Все свои противоречия - светлое и темное, свое и чужое, внутренне спутанное, хаотически-чересполосное, к тому же еще заряженное страстностью его натуры, - Амедео и привез с собой.

Он приходит в восторг от большого города, от атмосферы веселой свободы.

Здесь он окунается в творческую атмосферу Монмартра и знакомится со многими творцами того времени - Пикассо, Утрилло, Жакобом, Мейднером.

У Модильяни был на редкость скверный характер. он постоянно попадал в неприятности и передраги, пил вино и курил гашиш, а его фигура еще при жизни начала обрастать ореолом легенд.

За несколько месяцев парижской жизни из скромного юноши Модильяни превратился в одного из самых знаменитых алкоголиков Монмартра.

Непризнанный гений

В Париже Амедео по-прежнему накоротке с музыкой, литературой, поэзией. Вечно таскает в кармане то Ронсара, то Малларме, то Бодлера, то Бергсона, Лотреамона или «Этику» Спинозы.

Молодые художники на тот момент идут за Пикассо и Матиссом, они все как один — фовисты или кубисты.

Только Амедео ни то ни другое: течения, школы, работа под флагом одного направления — все это не по нему, он просто пытается идти своим путем.

Он пишет картины, а на вырученные от их продажи деньги угощает новых приятелей в барах. Его называют Модии (в переводе «проклятый»). За три года, проведенные в Париже, Модильяни не получает признания зрителей и критиков, и друзья считают его непризнанным гением.

Все самое интересное и проникновенное, что может быть написано о выработке его художественного кредо, о становлении его манеры, высказал он сам. Переписка с другом выдает его властное стремление явить миру неповторимость собственной личности, жаждущей новизны в искусстве

- - Я нынче сделался игрушкой слишком сильных воздействий, энергия которых то возникает, то исчезает вовсе. А мне бы, напротив, хотелось, чтобы жизнь, как полноводная река, радостно текла по равнине. -(Модильяни).
- - Надо очистить линии, отполировать форму. В моем распоряжении мало средств, а в живописи не следует все говорить сразу. Линия — моя волшебная палочка. Уметь ею пользоваться — это свойство гения. -(Модильяни).
- - Всякое преодоленное препятствие знаменует собою рост нашей воли, ее необходимое и благотворное обновление. Храни свой священный огонь. Это плодоносные дары, подстегивающие воображение, постарайся вызывать их к жизни, ибо только они способны выявить все творческие силы ума и восприятия, доведя их до максимума. За это мы и должны бороться. -(Модильяни).
- - Можем ли мы заключить себя в тесный обруч повседневной морали? Утверждай свое право и превосходи себя ежедневно, ежечасно. -(Модильяни).

Когда Амедео рассуждает в духе Ницше, **о субъективном и объективном смысле творчества**, настаивая на отделении творца от творимого, он готов вслед за Ницше восславить ничем не ограниченную, стихийную силу личности, силу ее самоутверждения, независимую уже ни от какой морали, ни от какой нравственной оценки. Он искренне призывает своего друга, тоже начинающего художника, **"ставить свои эстетические потребности выше обязательств перед обществом"**. Со всей безоговорочной прямолинейностью он восторженно повторяет **идею безусловной "избранности"** художника, у которого есть беспредельные права и только одна обязанность - **культивировать свою личность**.

'Амедео в силу сугубой цельности натуры и идеалистической категоричности не выносит точек зрения, не совпадающих с его собственной, поэтому споры становятся все горячее, порой переходя в ссоры': Двое мужчин в упор смерили друг друга глазами. Ренуар со своим славным прошлым, Модри со своей болезненной, озлобленной молодостью, не знающей доверия. С одной стороны радость, наслаждение лучезарным, чуждым страдания творчеством. С другой — творчество, рожденное болью, питаемое жизнью, изнемогшей от мучительных невзгод.

психотерапевт М. Бурно утверждает: «Модильяни есть эталон идеалистического мироощущения»

Когда Амедео рассуждает в духе Ницше, **о субъективном и объективном смысле творчества**, настаивая на отделении творца от творимого, он готов вслед за Ницше восславить ничем не ограниченную, стихийную силу личности, силу ее самоутверждения, независимую уже ни от какой морали, ни от какой нравственной оценки.

Он искренне призывает своего друга, тоже начинающего художника, "**ставить свои эстетические потребности выше обязательств перед обществом**".

Со всей безоговорочной прямолинейностью он восторженно повторяет **идею безусловной "избранности"** художника, у которого есть беспредельные права и только одна обязанность - **культивировать свою личность**.

'Амедео в силу сугубой цельности натуры и идеалистической категоричности не выносит точек зрения, не совпадающих с его собственной, поэтому споры становятся все горячее, порой переходя в ссоры':

Двое мужчин в упор смерили друг друга глазами. Ренуар со своим славным прошлым, Моди со своей болезненной, озлобленной молодостью, не знающей доверия. С одной стороны радость, наслаждение лучезарным, чуждым страдания творчеством. С другой – творчество, рожденное болью, питаемое жизнью, изнемогшей от мучительных невзгод.

Спустя семь лет тоска начинает питать страх завышенных требований к самому себе. Если Амедео охватывала тоска, он умел извлечь из нее выгоду.

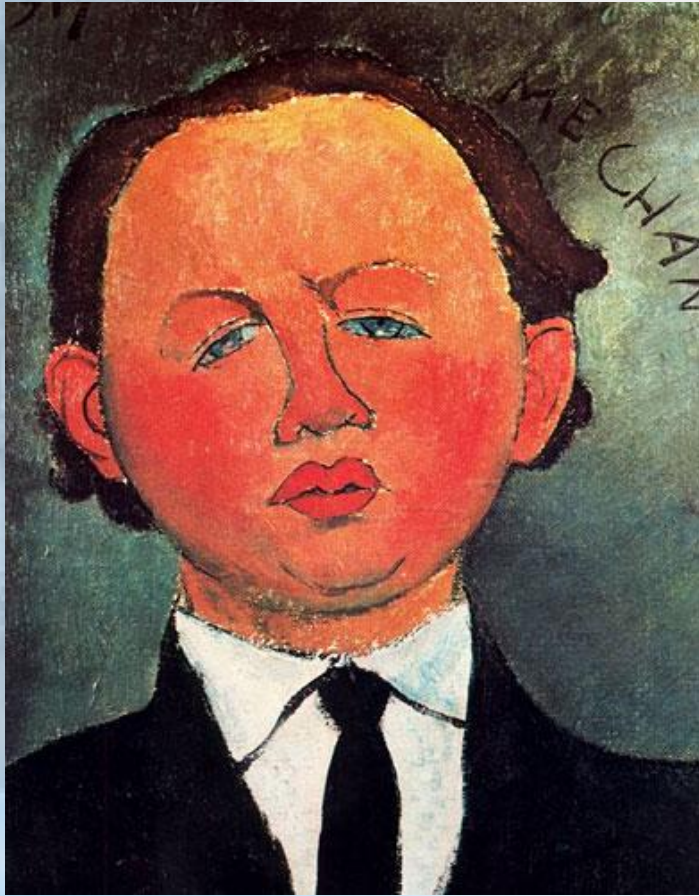
«Тоска для художника хороший материал, — думал он, — тоска как мрамор». «Каждое пройденное испытание укрепляет волю, — писал он другу. — Человек, не умеющий переработать свою энергию в новые желания и почти нового индивида, готового разрушить все старое и гнилое, дабы утвердить себя, не человек, а простой буржуа, бакалейщик, если тебе угодно».

Его внутренние противоречия обострились до предела в обстановке явного непризнания. В этой обстановке он проявил мужество. Он не растерялся и не поспешил надеть личину, ни к кому и ни к чему не приспособился, не примкнул и не поступился ничем из того, что было ему дорого. Ни тогда, ни позднее он не стремился кому бы то ни было понравиться; успех он понимал только как победу. Нет, он не стал изготавливать ходовые портреты, чтобы обеспечить себе дневное пропитание.

Он заявляет, что **"человек - это целый мир, который стоит многих миров"**.

Художник ничего не хочет знать, кроме самого человека, личность которого является для него единственным источником вдохновения. Он не пишет натюрморты и пейзажи, а обращается к портретной живописи.

Картины, созданные без единого исправления и впечатляющие точностью форм, продиктованы натурой.

- На его полотнах живут не только погруженные в тихую грусть герои, но и их ярко выраженные характеры.
- Автор сильно стилизует натуру, но что-то неуловимое он ухватывает. Талантливый мастер не просто срисовывает черты моделей, он сверяет их со своим внутренним чутьем..
- Любая картина Модильяни выделяется своей архетипичностью из работ его современников. его портреты создают между зрителем и изображением определенную дистанцию. Именно за нее следует проникнуть, чтобы раскрыть секреты художника. Этот эффект достигается прежде всего за счет выразительных глаз, которые Модильяни часто просто закрашивал одним цветом.

Очень точная физиогномика, заключенная в изгибе губ, линии носа, направлении взгляда, наклоне головы, помогает художнику создавать уникальные и узнаваемые характеры.

Творец восхищается обнаженным женским телом и находит гармонию между ним и трепетной душой героинь. Изящные силуэты, по словам исследователей его творчества, выглядят как "фрагменты фрески, написанные не с определенных моделей, а словно синтезированные из других натурщиц". Амедео Модильяни прежде всего видит в них свой идеал женственности, а его полотна живут в пространстве по своим законам, на которых вытянутые головы и длинные шеи идеальной формы.

Платонический роман с Ахматовой

Художник отличался пылкостью натуры и восхищался женской красотой, боготворил и воспевал ее. У него было много любовниц и натурщиц, с которых он писал портреты ню.

Кажется, никто не желает иметь с ним дело. Пустые хлопоты и провалы чередой следуют друг за другом. Ему чем дальше, тем яснее представляется, что будущее беспросветно. И однако же его сумрачный, тернистый путь внезапно озарен романтическим светом нового увлечения. Он встречается с поэтессой Анной Андреевной Горенко, более известной под псевдонимом Анна Ахматова, русской аристократкой родом из Одессы, посетившей Париж во время свадебного путешествия с первым из ее трех мужей, поэтом Николаем Гумилевым, с которым она разведется в 1916 году.

PARIS. — Vieux Montmartre. — La Tour du Philosophe,
l'Ancienne Ferme de Bray et le Moulin de la Galette — L.L.

Натан Альтман, художник из украинской Винницы, будет долго вспоминать о первой встрече с Ахматовой на Монпарнасе: красивая, дьявольски элегантная женщина, которую он принял за парижанку и чью внешность смачно прокомментировал, полагая, что русский язык таинственной незнакомке чужд. Тогда Анна развернулась и послала наглеца подальше. Так завязалась дружба. Спустя четыре года в Санкт-Петербурге молодой художник убедит уже стяжавшую славу поэтессу позировать ему в ярко-синем платье и лимонно-желтой шали. Это не просто портрет: это манифест будущего.!!

Они читали друг другу стихи французских поэтов, ходили в Лувр, гуляли по ночному Парижу. Модри рисовал карандашные портреты Анны, а в стихотворениях Ахматовой появился сероглазый лирический герой. Есть версия, что и сам знаменитый Сероглазый король — не кто иной, как Модильяни.

Вечерами в уютном парке цитируют поэзию, в частности, его обожаемого Д'Аннуцио .

«Лишь вы можете это осуществить»: лишь вы можете придать мне уверенности, лишь вы можете развеять мою тревогу, лишь вы можете сделать мое одиночество еще более глубоким и одновременно желанным, лишь вы можете испугать смерть. Чему я научилась у Модри? Быть может, именно этому: зрение обостряется благодаря внутреннему зору. Научиться видеть можно лишь самостоятельно».

Модильяни понимал, что чувство, которое он чаще всего внушал людям, — в лучшем случае сострадание, а в худшем — отторжение и неприязнь, но ничего не мог с собой поделать. Окружающие уже так привыкли к его образу пьяницы, едва держащегося на ногах и готового торговать своими рисунками в обмен на стакан вина, что Амадео так и поступал, демонстрируя то, что в психологии называют «ожидаемым поведением». Болезнь одолевала. От былой красоты не осталось ничего...

Главная любовь жизни живописца

Женой Модильяни стала юная художница Жанна Эбютерн, совершенно справедливо считавшая его гением. Но их счастье было недолгим. Амедео – человек просто непрактичный, а Жанна – и вовсе не от мира сего. Ее красоту он воспел в 25 портретах. Жанна родила ему ребенка, и когда художник узнал о второй беременности музы, то поспешил сделать ей предложение. Но обвенчаться в церкви пара так и не успела. У Модии обострился туберкулез. Он хоть и понимает, что серьезно болен, ничего не желает делать, чтобы поправить свое здоровье, продолжает вести ту же беспорядочную жизнь, переходя от одного питейного заведения к другому. Однажды, во время очередного приступа, когда друзья из Ротонды пытались привести его в чувства, она крикнула: «Уйдите все! Вы не понимаете, для того, чтобы прославиться, ему нужно умереть».

Когда художник умер в больнице от туберкулезного менингита, Не сумев выдержать разлуки, на следующий день после смерти возлюбленного его беременная жена выбросилась в окно..

"Жанна Эбютерн в красной шали"

одна из последних работ автора. Женщина, которая ждет второго ребенка, изображена с большой любовью. Когда он заканчивал этот портрет перед смертью, она его спросила, почему он не нарисовал ей глаза. На что Модильяни ответил: «Когда я пойму твою душу, я нарисую глаза».

Это была единственная женщина в жизни Модильяни, которую он никогда не рисовал обнаженную.

Слух о смерти его на следующий день облетел Париж, на похороны собрался почти весь Монмартр. Он стал знаменит. Коллекционеры начали охоту за полотнами художника. Его признали художником наряду с Пикассо и Ренуаром, сумевшим создать свой стиль.

Сложилась даже устойчивая легенда о "проклятом художнике" Модии, гений которого, до тех пор дремавший на дне его души, воспламенил в первый же миг волшебного опьянения "дьявол гашиша". Так пишется в романах о "страстной жизни Амедео Модильяни". Так создаются главы мемуаров с мелодраматическим заголовком: "Модильяни, или Падение ангела".

Зато слух о трагедии в духе Шекспира мигом облетел Париж, коллекционеры начали охоту за полотнами художника, портреты, которые он писал, стали знамениты.

«Рисунок Модильяни — верх изящества. Он был аристократом. Его рисунок — это беззвучный разговор».

Миф Модильяни Объединяет драматическую биографию этого скандалиста, постоянно метущегося человека с искусством, творчеством, с постоянным поиском, который он вел, с путем, который он выбрал.

Путь внешний - от романтики к схематичности.

Путь внутренний - от зачатков психологизма к психологизму глубокому, почти невыносимому.

